

Югославский социализм: взгляд из Венгрии (1956 г.)*

Конфликт 1948 г. прервал поступательное развитие отношений Советского Союза с Югославией, где при монополюльной власти компартии, возглавляемой харизматическим лидером, героем войны маршалом Иосипом Брозом Тито, уже с конца 1944 г., быстрее и последовательнее, чем в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы, происходило насаждение во всех сферах общества советского опыта и образцов строительства социализма. Советско-югославские отношения, достигнув своей низшей точки к осени 1949 г., когда в Будапеште состоялся громкий судебный процесс по делу Ласло Райка ярко выраженной антиюгославской направленности (а вслед за этим была принята резолюция Коминформа «Югославская компартия во власти убийц и шпионов»), продолжали и в последующие годы оставаться предельно напряженными, балансируя на грани перерастания в настоящую войну. Не утихала и развязанная по инициативе И.В. Сталина мощная пропагандистская кампания, направленная своим острием против титовской Югославии и служившая задачам консолидации (не только на антизападной, но и на антиюгославской платформе) формирующегося советского блока, что предполагало безоговорочное подчинение национальных коммунистических элит единому центру.

Вынужденно активизировав после разрыва с СССР экономические связи с Западом, Югославия вместе с тем сохранила монополюльную власть компартии и курс на строительство социа-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00573: Москва и Восточная Европа: Югославская модель социализма и страны советского блока, 1950–1960-е гг.).

лизма в соответствии с провозглашенной в начале 1950-х годов так называемой концепцией самоуправления, декларативно противопоставлявшейся «бюрократическому социализму» в сталинском Советском Союзе. Во внешней политике режим Тито придерживался принципа нейтралитета, дистанцируясь от блока НАТО и согласившись лишь на участие в ассоциированном с ним Балканском пакте с участием Греции и Турции.

Со смертью Сталина 5 марта 1953 г. его соратники по кремлевскому руководству пошли на некоторое смягчение конфронтации с Западом. Требовал скорейшей развязки советско-югославский конфликт, продолжавший оставаться серьезным источником напряженности не только в региональном, но и в общеевропейском масштабе. Прежняя политика на югославском направлении была признана несостоятельной уже на июльском пленуме ЦК КПСС 1953 г. Ведь в условиях советского вызова режим Тито не только консолидировался во внутривластном плане, но и приобрел проведением независимой внешней политики большой вес на международной арене. Хотя титовская Югославия пока еще продолжала оставаться отлученной от мирового коммунистического движения и восприниматься как часть враждебного социализму мира, в Москве отныне ее уже не квалифицировали как «особого» врага, а отношения с ней были выведены на уровень стандартных отношений с некоммунистическими государствами¹.

Через год, примерно к осени 1954 г., нормализация отношений с титовской Югославией выдвигается в качестве одной из приоритетных задач советской внешней политики. При этом исключительная резкость разрыва 1948 г. создавала с обеих сторон особые трудности на пути к примирению. Избрав стратегию на сближение с наиболее крупной и стратегически важной балканской страной, новый советский лидер Н.С. Хрущев и его окружение исходили из того, что возвращение Югославии в сферу влияния советской политики стало бы наиболее видимым внешнеполитическим успехом СССР после смерти Сталина. Осенью 1954 г. сходит на нет антиюгославская пропаганда в советской прессе, распускаются антититовские организации югославских коммунистов-эмигрантов. 27 мая — 2 июня 1955 г. состоялась поездка в Югославию советской делегации во главе

с Н.С. Хрущевым, продемонстрировавшая стремление руководства КПСС пойти на гораздо более решительное, чем предполагалось в 1953 г., сближение с режимом Тито. Первая после восстановления отношений встреча лидеров двух стран показала нежелание команды Тито (заинтересованной в экономическом сотрудничестве Югославии с СССР) отказываться от проведения независимой, внеблоковой внешней политики. Тем не менее, она не охладила решимости Хрущева готовить новые прорывы на югославском направлении. С середины 1955 г. всесторонние советско-югославские связи заметно оживились.

Что касается места и роли Венгрии в контексте массивной антиюгославской кампании, надо иметь в виду, что Сталин и его окружение, направляя ее в рамках всего формирующегося восточного блока, отвели именно венгерскому коммунистическому лидеру Матяшу Ракоши роль своего рода «первой скрипки» в оркестре. Ракоши, который в 1946–1947 гг. поддерживал особенно тесные связи с югославскими коммунистами, после разрыва резонно опасался, что Сталин нанесет удар и по нему. В своем стремлении избежать падения он оказался как бы «передовиком» в развернувшемся между главами стран советской сферы влияния, негласном «соревновании» за достижение большей лояльности советскому руководству. Именно он организовал при помощи советников из советских спецслужб самый громкий антиюгославский судебный процесс², после которого совсем не кажется удивительным, что даже в условиях начавшегося со смертью Сталина советско-югославского примирения руководство титовской Югославии, явно не доверявшее Ракоши, не шло на полноценный диалог с Венгрией, пока тот находился у власти. Правда, в 1954 г. с югославской стороны были сделаны некоторые умеренно-дружеские жесты в адрес премьер-министра И. Надя, не несшего ответственности за разрыв отношений двух стран, — в нем увидели партнера, с которым можно было бы начать диалог как бы «с чистого листа»³. Однако к концу 1954 г. позиции И. Надя ослабели вследствие противодействия его реформаторскому курсу со стороны консервативно настроенной части партаппарата. Весной 1955 г. он был удален со своего поста и позже исключен из партии. Это не могло не замедлить процесс улучшения двусторонних венгерско-югославских отношений.

Правда, к весне 1956 г. был в целом разрешен ряд спорных вопросов, затруднявших восстановление нормальных двусторонних отношений⁴, но не решенным оставался сложнейший (а для Белграда важнейший и наиболее принципиальный) вопрос — о реабилитации Ласло Райка. Неминуемость пересмотра этого фальсифицированного судебного дела стала очевидной после примирительного визита Хрущева в Белград. Летом 1955 г., в условиях нормализации советско-югославских отношений, Ракоши на партактиве был вынужден признать несправедливость прозвучавших на процессе Райка обвинений в адрес югославов. При этом венгерское руководство всё же рассчитывало, что удастся обойтись без полной реабилитации Л. Райка, поскольку это угрожало бы личной власти самого Ракоши, главного организатора того судебного процесса. «Дело Райка» крайне болезненно воспринималось многими членами партии. Особенно много вопросов по нему возникало в свете продолжавшегося сближения СССР с Югославией: трудящимся было непонятно, почему осенью 1949 г. Тито именовали не иначе, как «цепным псом» американского империализма, а теперь даже в Москве называют товарищем, — говорил советскому дипломату работник аппарата Венгерской партии трудящихся (ВПТ)⁵.

Новая ситуация в развитии венгерско-югославских отношений сложилась после XX съезда КПСС (14–25 февраля 1956 г.). Тито и его окружение были в целом удовлетворены решительной критикой Сталина в закрытом докладе Хрущева о «культе личности», зачитанном на особом заседании в конце работы съезда, и особенно признанием его ответственности за антиюгославскую кампанию в 1948 г. XX съезд в их глазах подтверждал правильность избранной стратегии на сближение с СССР и странами советского блока. С другой стороны, закрытый доклад Хрущева с острой критикой сталинской политической практики не только произвел сенсацию в мире, но стал вызовом для коммунистических лидеров стран Центральной и Юго-Восточной Европы, причем едва ли не в первую очередь именно для М. Ракоши, особенно сильно скомпрометировавшего себя приверженностью сталинским политическим методам⁶. В марте-апреле, в новой атмосфере, сложившейся под влиянием XX съезда КПСС, на мно-

гих партийных собраниях звучала острая критика в адрес партийного лидера, неспособного извлечь уроки из пережитого страной опыта. Среди прочего раздавались требования полностью пересмотреть дело Л. Райка, признав его абсолютную невинность, т.е., по сути, полную сфальсифицированность обвинений, прозвучавших на судебном процессе 1949 г.

Задача сближения с Югославией, вовлечения ее в орбиту советского влияния продолжала считаться приоритетной на восточноевропейском направлении советской внешней политики. Поскольку межгосударственные отношения к этому времени вполне нормализовались, на очереди был следующий шаг — установление тесных межпартийных связей. В апреле 1956 г., во многом в качестве жеста, адресованного Союзу коммунистов Югославии (СКЮ), в Москве объявили о ликвидации Коминформа, самого важного инструмента антиюгославской кампании⁷. Долго готовившийся государственный визит Тито в СССР состоялся 1–23 июня 1956 г. [23 дня, длительный визит. — А. С.] Югославский лидер в ходе бесед с советскими руководителями затрагивал и проблемы нормализации венгерско-югославских отношений. Тито сразу прямо дал понять Хрущеву: пока у власти в Венгрии находится Ракоши, желаемый Москвой прорыв в отношениях двух соседних социалистических государств попросту невозможен⁸. У югославского маршала не было никакого желания встречаться с венгерским лидером. Руководитель румынской компартии Г. Георгиу-Деж, хотя и подключился в 1948–1949 гг. в полной мере к антиюгославской пропагандистской кампании, но всё же не организовал своего «дела Райка», а потому вызывал у Тито меньше антипатии, чем Ракоши. Не удивительно, что лидер Югославии ехал в СССР и из СССР не через Венгрию, а через Румынию, т.е. не самым коротким путем — только для того, чтобы не встречаться с Ракоши⁹.

В 20-х числах июня М. Ракоши в течение нескольких дней находился в Москве на совещании руководителей компартий социалистических стран, где среди прочего обсуждался вопрос о новых формах сотрудничества компартий, которые должны были прийти на смену распущенному Коминформу. Его скорый уход в отставку в это время еще не был предreshен, руководство

КПСС пока еще продолжало делать ставку на этого крайне непопулярного в Венгрии политика. Однако там, где дело касалось вопросов сближения с Югославией, между руководителями КПСС и первым секретарем ЦК ВПТ проявились заметные разногласия. Даже находившийся с Ракоши в более близких, чем другие члены Президиума ЦК КПСС, отношениях маршал К.Е. Ворошилов (он был в 1945–1947 гг. председателем Союзной Контрольной Комиссии в Венгрии), приняв своего давнего знакомого, в отчете по итогам беседы потом заметил: что касается нормализации отношений с Югославией, то т. Ракоши, кажется, еще «не сбросил с себя груз прошлого», «у него еще много настороженности и неуверенности»¹⁰. Председателю Президиума Верховного Совета СССР пришлось убеждать венгерского лидера, что Югославия сейчас «стоит на правильном пути», и Венгрии, как и СССР, надо идти на сближение с ней. И это несмотря на то, что итогами встречи с Тито и подписанной декларацией в Москве были не совсем довольны, ведь Югославия по-прежнему отказывалась войти в советский блок¹¹. С мнением Ворошилова были солидарны и многие члены венгерского руководства. Так, молодой премьер-министр А. Хегедюш в беседе с советским послом Ю.В. Андроповым 19 июня 1956 г. выражал сожаление, что даже в дни пребывания Тито в СССР Ракоши продолжает видеть в сближении с Югославией только отрицательные стороны¹².

К желаемому руководством СССР венгерско-югославскому сближению Ракоши, таким образом, явно не был готов, неся громадный груз ответственности за прежние свои действия по эскалации конфликта. Не могло быть в Москве иллюзий и относительно позиции Тито. Взаимная ненависть лидеров двух соседних стран блокировала любую возможность встречного движения, для которого с начавшимся улучшением советско-югославских отношений были созданы политические предпосылки, а с урегулированием финансовых проблем между Венгрией и Югославией не существовало уже и экономических препятствий.

Познаньские волнения в Польше в конце июня 1956 г. (их жертвами стали более 70 человек) дали толчок изменению позиции Москвы и в венгерском вопросе. Под влиянием познаньских событий и происходивших одновременно с ними бурных

дискуссий в будапештском Клубе Петефи, где звучала непривычно острая публичная критика не только коммунистического руководства, но и существующей в Венгрии политической системы, лидеры КПСС наконец сочли целесообразной отставку Ракоши, видя его растущую неспособность контролировать ситуацию в своей стране. Вопрос этот был решен на пленуме 18–21 июля, где в качестве посланца Кремля присутствовал и влиял на принимаемые решения опытный член Президиума ЦК КПСС А.И. Микоян. Сыграло свою роль и давление влиятельных членов политбюро ЦК ВПТ Э. Гере и И. Ковача: они не только пришли к выводу о том, что в качестве вынужденной уступки оппозиции, в целях укрепления положения партийного руководства можно было бы пожертвовать М. Ракоши, но и осторожно пытались убедить в этом советского посла Ю.В. Андропова.

Оживление в Венгрии оппозиционных сил вызывало тем большую обеспокоенность в руководстве ВПТ, что в нем видели характерное проявление более общей тенденции, далеко выходящей за пределы Венгрии. Посетив 6 июля Андропова для того, чтобы поделиться с ним своими опасениями относительно ситуации в стране, Э. Гере говорил о том, что большие трудности создает всё более отчетливо проявляющееся в международном коммунистическом движении правое течение, требующее ограничить влияние Москвы; в роли главного его форпоста выступала, по его мнению, Югославия. Венгерская оппозиция, говорил влиятельный партократ, так нагло ведет себя именно потому, что получает постоянную моральную поддержку со стороны югославской прессы, которая с неизменной недоброжелательностью отзывается о внутренней политике ВПТ, особенно в связи с исключением ряда лиц из партии за резкие выступления в ходе июньской дискуссии о свободе печати в Клубе Петефи. Более того, Югославия, по словам Э. Гере, имела в Венгрии разветвленную сеть агентуры: оппозиционно настроенные представители интеллигенции поддерживали постоянные связи с югославской дипломатической миссией, систематически информируя дипломатов о происходящих внутривнутриполитических событиях. Активисты Клуба Петефи, участники его дискуссий демонстрировали стойкий интерес к югославским концепциям социализма и их

практическому воплощению¹³. То же самое касалось и других активизировавшихся весной 1956 г. оппозиционеров. Однако и коммунисты-реформаторы более умеренных взглядов, не выступавшие открыто против власти, не скрывали своих проюгославских симпатий. Например, видный литератор, критик и журнальный редактор Иштван Кирай в беседе с советским дипломатом В.А. Крючковым (в 1988–1991 гг. председателем КГБ) 12 июля 1956 г. откровенно заметил, что среди членов партии всё чаще «идут разговоры о создании в Венгрии подлинно национальной коммунистической партии по примеру Союза коммунистов Югославии, в котором очень многие видят блестящий пример партии, смело отстаивающей национальные интересы своего народа. Эти люди на одну линию с Тито ставят Имре Надя, которого, как и первого, считают подлинным выразителем чаяний народа»¹⁴.

Конечно, в руководстве ВПТ отдавали себе отчет в том, что наметившееся сближение Москвы и Белграда есть та безусловная реальность, которая мало зависит от Венгрии и которую нельзя не учитывать при выстраивании отношений с Югославией. Это не исключало, однако, настороженного отношения к претензиям СКЮ на особую роль в коммунистическом движении и возвеличению югославами своего опыта социалистического строительства в ущерб советскому опыту — тем более что под сильное югославское влияние попали, как отмечалось в беседах с советским послом, не только рядовые члены партии, но и некоторые члены ЦК, и часть партийной прессы, и отдельные работники партаппарата, провоцировавшие иногда местных функционеров на проявления недовольства линией политбюро. Такой взгляд на роль югославского фактора в сложившихся непростых условиях во многом перекликался с тем, что думали (особенно на фоне познаньских волнений) в Москве и что нашло отражение в разосланном лидерам «братских партий» письме ЦК КПСС от 13 июля. В нем акцентировались разногласия с югославскими коммунистами, стремящимися вести особую линию в рамках коммунистического движения и склонными в ходе контактов с представителями других партий переоценивать собственную роль¹⁵. Не будет преувеличением сказать, что уже в июле 1956 г. в Кремле, не отказавшись от прежнего курса на югославском

направлении, вместе с тем принимали во внимание крайне нежелательную перспективу формирования в Белграде некоего альтернативного идеологического центра в мировом коммунистическом движении.

Дипломатическая миссия Югославии в Венгрии, как и югославские журналисты, всё чаще посещавшие соседнюю страну, действительно стремились к установлению непосредственных контактов со всё более открыто заявлявшей о себе оппозицией внутри ВПТ. Внутрипартийная оппозиция воспринималась как потенциальный партнер СКЮ в межпартийных отношениях, а в случае своего прихода к власти как естественный союзник титовской Югославии в отстаивании ею независимой от Москвы внешней политики. В посольстве СССР сложилось мнение о том, что «среди работников югославской миссии в Будапеште имеются лица, не только сохранившие неприязнь к СССР, но и пытающиеся предпринять действия, которые носят явно враждебный характер в отношении Советского Союза»¹⁶. Вообще сообщения об активности югославских представителей содержатся во многих донесениях посольства СССР в Венгрии за лето — начало осени 1956 г. Столь же общим местом в них был и тезис о большой популярности югославского опыта среди оппозиционно настроенных венгерских коммунистов¹⁷. При этом, не ограничиваясь контактами с интеллигенцией и реформаторами из партаппарата, с середины лета югославы всё настойчивее пытались установить связи с венгерским рабочим классом. Посещая заводы, они пропагандировали мнимые преимущества югославской «системы самоуправления», распространяли издававшуюся в Нови Саде венгероязычную газету «Magyar Szó» («Венгерское слово»), пользовавшуюся в Венгрии большим спросом, а также биографию Тито пера В. Дедиера, изданную на венгерском языке для воеводинских венгров. Со стороны венгерской оппозиции наблюдался тем больший интерес к югославскому опыту (во всем его многообразии), что в титовской Югославии видели пример государства, сумевшего в чрезвычайно трудных условиях отстоять свой суверенитет и получившего признание на международной арене, особенно в странах «третьего мира», своей независимой внешней политикой. Причем, сама югославская мо-

дель с ее ничего на практике не решавшими рабочими советами явно идеализировалась в ее противопоставлении существующим в Венгрии порядкам.

Решающей причиной отказа советского руководства от поддержки М. Ракоши явилась его неспособность обеспечить стабильность в Венгрии и проводить на целом ряде направлений (включая, среди прочих, и югославское) линию, отвечающую интересам официальной Москвы. Явно не сумевший адаптироваться к новым условиям венгерский лидер потерял доверие не только у себя дома, но также в Кремле и на Старой площади. Это привело в конце концов к его отставке, утвержденной партийным пленумом. Между тем, западные комментаторы не уставали подчеркивать, в связи с уходом Ракоши, роль югославского фактора, подавать решение июльского пленума как явную уступку Москвы лидером СКЮ. О том, что «маршал Тито должен быть доволен» решением, принятым в Будапеште, писали, например, как австрийская газета «Die Presse», так и американская «New York Herald Tribune». Появившаяся в прессе информация о том, что Микоян, покинув Венгрию, заехал в Югославию, давала пищу для новых предположений относительно якобы имевшего место советско-югославского сговора и даже об очередном успехе «сильного человека на Балканах» в его отношениях с Кремлем.

Э. Гере, сменивший Ракоши во главе ВПТ, отвечал в начале 1950-х годов за экономическую политику и нес большую долю ответственности за перегибы с форсированием индустриализации. В самой Венгрии его имя ассоциировалось не столько с судебным произволом (как в случае с Ракоши), сколько с провалами волонтаристской экономической политики начала 1950-х годов, индустриальной гигантоманией и т.д. Хотя Гере и не был особенно активен в ходе антиюгославской кампании, замена Ракоши на него не удовлетворила не только венгерское общественное мнение, но и лидеров Югославии, поскольку означала сохранение власти в Венгрии в руках прежней команды. Вообще сам факт избрания Э. Гере, очевидно, расценивался в Белграде как продолжение прежней привычной практики Кремля ставить на руководящие посты в странах советской сферы влияния своих доверенных людей, исходя исключительно из собственных инте-

ресов и мало считаясь с волей народов этих стран. Позиция подконтрольной (как и в любом государстве, где у власти находилась компартия) прессы не могла не отражать мнение правительства. С одной стороны, югославская пресса, которая функционировала в тех же рамках дозволенного, не скрывала своего (а значит, и своего правительства) удовлетворения в связи с отставкой Ракоши. С другой стороны, она считала это событие всего лишь первым шагом. Более чем сдержанное отношение югославских газет к избранию Гере проявилось сразу довольно отчетливо. «После смены М. Ракоши господствует оптимистическое оживление. Устранено одно серьезное препятствие, однако это еще не все», — писала белградская газета «Политика» 20 июля. Как отмечалось в донесениях посольства СССР в Венгрии, югославы предпочитали бы видеть на этом посту более умеренного и популярного в Венгрии Я. Кадара, вышедшего к этому времени из опалы и восстановленного в июле 1956 г. в политбюро, причем такая позиция находила отражение даже в белградской партийной прессе¹⁸. Микоян, выехавший из Венгрии в Югославию, 21 июля в беседе с Тито затронул вопрос о том, что линия югославской прессы расходится с видами Москвы, рассчитывавшей, что обновленное руководство ВПТ сумеет принять действенные меры по ослаблению внутривластной напряженности в стране.

Представители советского посольства, комментируя происшедшее, отмечали, что отклики югославской прессы на последние внутривластные события в Венгрии «вылились в газетную кампанию с вмешательством во внутренние дела Венгрии», причем, эта кампания «имела целью поощрение и подбадривание венгерских оппозиционеров в их выступлениях против руководства ВПТ»¹⁹, что, разумеется, в корне противоречило линии КПСС. Газета «Республика» даже вдавалась в прогнозы, выдвигая в номере от 7 августа предположение, что замена Ракоши на Гере только приведет к углублению кризиса власти, и в результате сложится ситуация, когда взять контроль над партией в свои руки попробуют сторонники еще продолжавшего находиться в опале Имре Надя. В свою очередь и главная газета Югославии «Борба» 23 августа отмечала, что логика дальнейшего развития событий в Венгрии должна привести к полному оправданию курса Имре Надя, объявленного в 1955 г. «правоуклонистским».

Между тем, Э. Гере, каким бы ни было мнение югославской прессы о его персоне, став новым лидером Венгрии, предпринял некоторые усилия в интересах дальнейшей нормализации югославо-венгерских отношений. Он исходил из того, что в силу популярности среди многих политически активных граждан Венгрии югославской модели социализма последовательный курс на улучшение отношений с ФНРЮ и СКЮ должен способствовать повышению авторитета руководства ВПТ в собственной стране. Вообще после ухода Ракоши его преемникам предстояло решить две непростых и трудно совместимых задачи — ликвидировать ненужную напряженность в отношениях с южным соседом и в то же время по возможности нейтрализовать югославское влияние на собственную оппозицию.

Уже на июльском пленуме Гере заявил о своем желании улучшить отношения двух стран, испортившиеся прежде всего (как он самокритично признал) именно по вине венгров. Это нашло отражение и в итоговой резолюции пленума. 19-м июля было датировано письмо Гере в адрес Тито с предложением организовать встречу на высшем уровне²⁰. Вопреки чрезмерному оптимизму советской дипломатии относительно перспектив венгерско-югославского сближения²¹, прежняя тактика поддержки югославской дипломатией венгерской внутривластной оппозиции оставалась в силе, а потому сохранялась и определенная напряженность в официальных двусторонних отношениях. Совершенно очевидно, что, видя в новом венгерском лидере некую переходную фигуру, Тито не склонен был слишком форсировать процесс сближения, полагая, что внутривластная ситуация в Венгрии вселяет надежды на приход к власти более приемлемых для Югославии партнеров, нежели Гере. Кроме того, в Югославии даже и теперь, после отставки Ракоши, не считали полностью закрытым дело Райка. Произошедшей еще весной 1956 г. его полной юридической реабилитацией, как и освобождением Ракоши со своего поста, в Белграде, очевидно, не могли удовлетвориться, ожидая раскрытия всей правды о деле Л. Райка, а значит, привлечения Ракоши к ответственности за содеянное. В ЦК ВПТ же считали, что вопрос фактически решен с исключением из партии на июльском пленуме бывшего министра обороны и члена узкого

руководства страны М. Фаркаша, одного из близких сподручных Ракоши, действительно несшего свою долю ответственности за фабрикацию дела Райка, но при этом выбранного на роль «козла отпущения».

Утвержденное на партийном пленуме 19 июля письмо ЦК ВПТ в ЦК СКЮ с предложением о более тесных межпартийных контактах было вручено венгерским посланником в Белграде Ш. Куримским Тито 21 июля 1956 г. Хотя югославский лидер, принимая венгерского дипломата, обещал дать положительный ответ в течение ближайших дней, письмо лежало без ответа более полутора месяцев. Форсировать установление дружеских отношений с малоприятным ему Э. Гере Тито явно не хотел. Между тем, в ожидании ответа, в ЦК ВПТ 9 августа обсуждались шаги, которые можно было бы сделать навстречу югославам в интересах стабилизации и активизации двусторонних отношений. Было принято, в частности, решение о прекращении поддержки и финансирования местной организации эмигрантов-коминформовцев (в СССР это было сделано еще осенью 1954 г.)²². 15 августа Э. Гере дал интервью югославскому изданию. Он попытался обойти стороной дело Райка, но самокритично признал, что считает важной причиной ухудшения югославско-венгерских отношений ошибочную политику, долгие годы проводившуюся венгерским правительством в отношении югославянских национальностей на территории Венгрии²³.

Что же касается венгерского общества, то сильное югославское влияние вновь дало о себе знать уже в августе 1956 г., когда группа реформаторски настроенных коммунистических интеллектуалов во главе с известным журналистом Г. Лошонци, прошедшим через репрессии, обратилась в ЦК ВПТ с просьбой разрешить восстановление венгерско-югославского общества культурных связей, существовавшего до 1948 г. В качестве главы такого общества намечался его прежний председатель журналист Ш. Харати, после 1948 г. проведший несколько лет в тюремных застенках, в том числе год просидевший в камере смертников. Несмотря на время отпусков оживился и обмен делегациями между Югославией и Венгрией на уровне различных общественных организаций, и это свидетельствовало о том, что

инициатива сверху сочеталась со встречным движением снизу. Так, состоялся визит делегации югославских профсоюзов в Венгрию, а венгерская делегация приняла участие в торжествах по случаю 500-летия победы венгров и южных славян над турками под Белградом; активизировались связи между пограничными областями. Однако запланированный обмен парламентскими делегациями в августе 1956 г. не состоялся, ибо югославы хотели, чтобы сначала «с поклоном» приехали венгры.

В месяцы, последовавшие за июльским пленумом, югославские дипломаты по-прежнему поддерживали связи с венгерскими оппозиционерами, пропагандировали югославский опыт, выступали с критикой экономической политики ВПТ, в том числе аграрной. Югославская пресса всё более открыто требовала восстановить справедливость в отношении опального Имре Надя. Венгерская сторона официально не реагировала, не желая осложнить процесс улучшения отношений с южным соседом. Надо заметить, что методы критики своего руководства, которые практиковала в Венгрии внутрипартийная оппозиция, югославские партфункционеры и дипломаты не считали приемлемыми для применения в самой Югославии. Так, вскоре после дискуссии о печати в Кружке Петефи, 2 июля, первый секретарь югославской миссии в Будапеште М. Георгиевич говорил советскому дипломату, что в отличие от Венгрии в Югославии никто открыто не выступает против линии партии. И это было правдой, о чем свидетельствуют преследования М. Джиласа. В Венгрии же, по его мнению, это стало возможным прежде всего вследствие серьезных ошибок, допущенных партийным руководством²⁴.

Спустя почти два месяца после получения письма из Будапешта, Тито в ответном письме от 11 сентября 1956 г. согласился в общем плане с целесообразностью проведения встречи на высшем уровне. В ходе начавшейся ее подготовки выяснилось, что в Белграде еще и в это время считали не до конца разрешенной проблему с положением югославянских нацменьшинств в Венгрии, обеспечением их прав на полноценное национальное развитие. Она называлась в числе проблем, подлежащих обсуждению и решению. Кроме того, Тито был недоволен тем, что еще не была доведена до конца реабилитация тех венгерских юго-

славян, которые были осуждены по делу Райка и другим судебным делам, носившим антиюгославский характер. Руководству СССР, заинтересованному в полной нормализации и активизации отношений своих сателлитов (в том числе Венгрии) с Югославией, пришлось взять на себя посредническую миссию, инициировав неформальную встречу Тито и Э. Гере. Она состоялась 30 сентября в Крыму: лидеры обеих стран в это время отдыхали там по приглашению Хрущева. Сторонам удалось договориться о поездке венгерской партийно-правительственной делегации в Белград 15 октября. Речь могла идти только о приезде венгров в Югославию, ведь в Будапеште прекрасно понимали, что Тито ни за что не поедет первым в страну, лидеры которой усерднее других участвовали в его травле.

Еще до этого, в конце сентября, был решен вопрос о перезахоронении останков Ласло Райка — этого всё настойчивее требовали политически активные круги в условиях общественного подъема, охватившего Венгрию. Так, 17 сентября об этом много говорилось на съезде венгерских писателей, вызвавшем огромный общественный резонанс. В субботу 6 октября в Будапеште на Керепешском кладбище состоялась торжественная церемония по перезахоронению казненных в октябре 1949 г. Л. Райка и его соратников Т. Сёни и А. Салаи. Несмотря на моросящий дождь, собрались десятки тысяч человек. Власти не только разрешили эту акцию, но даже рассылали разнарядки на заводы, чтобы на нее в организованном порядке были посланы рабочие (тем самым хотели снизить удельный вес молодой, радикально настроенной интеллигенции и студенчества во всем этом действе). Разрешив церемонию, партийно-государственные структуры хотели создать более благоприятный фон для предстоящей поездки Э. Гере в Белград²⁵. Но настроения в бурлившем венгерском обществе были таковы, что все эти разнарядки оказались совершенно излишними и стали только предметом анекдотов: людей пришло в 20–30 раз больше, чем первоначально ожидалось. Ведь требование полной реабилитации и торжественного перезахоронения Л. Райка было одним из главных, с которым выступала крепнувшая с каждой неделей и поддержанная снизу оппозиция, жаждавшая далеко идущих демократических преобразований.

Вернувшись в эти дни из СССР, Гере мог убедиться, что обстановка гораздо серьезнее, чем он ожидал. Под давлением крепнувшей оппозиции непопулярная власть должна была идти на новые и новые уступки в интересах сохранения хотя бы относительного контроля за ситуацией в стране.

15 октября с Восточного вокзала Будапешта отправился в Белград экспресс с венгерской делегацией и вечером того же дня прибыл в югославскую столицу. Накануне Имре Надь был восстановлен в партии, и об этом утром сообщили в газетах. Хотя И. Надю никогда не вменялись в вину проюгославские симпатии, преследования лидера внутрипартийной оппозиции, настаивавшего на проведении Венгрией более самостоятельной внешней политики, очень не нравились Тито и его окружению, ведь Имре Надь воспринимался ими как потенциальный венгерский партнер. Э. Гере, встречаясь 12 октября с Андроповым²⁶, очень нервничал. Он знал о желании И. Нады вернуться во власть со своей реформаторской программой, знал и о его растущей популярности в обществе, о том, что И. Надь воспринимается крепнущей оппозицией как харизматический лидер. Жесткий коммунистический ортодокс Э. Гере был откровенен, не скрывая от собеседника своего скептицизма по поводу югославской модели: если И. Надь окажется у руля страны и начнет свои реформы, говорил он советскому послу, Венгрия в скором времени будет еще в меньшей степени походить на социалистическое государство, «чем это имеет место в Югославии». Но задача полного примирения с соседней страной, пусть даже там стояли у власти, по мнению Э. Гере, люди ревизионистских и националистических убеждений, по-прежнему была актуальна, и не только в силу давления Москвы. Ведь даже относительный успех на этом пути мог быть записан в актив непопулярному партийному руководству собственным, венгерским общественным мнением. Таким образом, Гере должен был ехать в Белград (как в Каноссу). Там он принес в присутствии маршала Тито публичные извинения за проведение в Венгрии в прошлом антиюгославской кампании и подчеркнул важность дальнейшего сотрудничества своей страны с соседней Югославией, обладавшей солидным международным авторитетом. 22 октября между Белградом и Будапештом

была подписана декларация, ознаменовавшая собой восстановление дружественных отношений.

Когда на следующий день, во вторник 23 октября, ближе к вечеру, экспресс с венгерской партийно-правительственной делегацией прибыл на Восточный вокзал Будапешта, город уже вовсю бурлил, многотысячные толпы шли через Дунай, скандируя требования об уходе Советской армии из Венгрии, аресте М. Ракоши, проведении свободных выборов. Первоначальной целью демонстрации было выражение солидарности с польскими борцами за обновление социализма, подвергавшимся сильному прессингу из Москвы (Н.С. Хрущев, прибывший в Варшаву 19 октября, пытался воспрепятствовать возвращению В. Гомулки во власть). Югославия воспринималась венгерской оппозицией как потенциальный союзник. «С Югославией и Польшей наша сила втрое больше», — выкрикивала толпа, за которой внимательно наблюдали и югославские дипломаты, ждавшие от Венгрии более независимой внешней политики, но отнюдь не падения власти коммунистов в соседней стране. А именно это произошло в течение нескольких последующих дней.

23 октября венгерско-югославские отношения вступили в новый этап своего развития²⁷. После силового подавления в начале ноября Советской армией венгерской революции образ Югославии в сознании ее северных соседей заметно изменился. Теперь его предопределяла неоднозначная, непоследовательная позиция, занятая в венгерском вопросе режимом Тито, публично дистанцировавшимся от военного вторжения (на которое югославские лидеры тем не менее, не афишируя это, дали принципиальное согласие в ходе встречи с Хрущевым на острове Бриони в начале ноября), но при этом сразу признавшим новую венгерскую власть, принесенную на советских штыках, и сыгравшим не до конца проясненную роль в нейтрализации команды Имре Надя. Ведь глава революционного венгерского правительства, укrywшийся 4 ноября в югославском посольстве с группой соратников, был вынужден затем его покинуть, на некоторое время был депортирован в Румынию и в конце концов, в июне 1958 г., предстал перед судом, приговорившим его к смертной казни, что довольно легко «проглотил» официальный Белград, не заинтересованный в новой конфронтации с Советским Союзом²⁸.

Примечания

- ¹ Признание руководством КПСС Югославии как государства, строящего социализм, было официально сделано Н.С. Хрущевым на июльском 1955 г. пленуме ЦК КПСС.
- ² См.: *Кимура К.* «Дело Райка» в контексте венгерско-югославских отношений // *Славяноведение*. 2012. № 1. С. 3–15.
- ³ См.: Венгерский кризис 1956 года и советско-югославские отношения второй половины 1950-х — начала 1960-х годов // *Стыкалин А.С.* Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М., 2016.
- ⁴ См.: *Стыкалин А.С.* Советско-югославское сближение (1954 — лето 1956 гг.) и внутривнутриполитическая ситуация в Венгрии // *Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века* / Отв. ред.: академик Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина. СПб., 2002. С. 323–345. Не без труда, и только к концу мая 1956 г., был разрешен вопрос о взаимных финансовых претензиях. Переговоры проходили нелегко, поскольку югославы настаивали на том, чтобы венгерская сторона компенсировала все убытки, образовавшиеся в результате разрыва торговых отношений в 1948–1949 гг., вопрос же о конкретной сумме убытков вызвал дискуссии. В конце концов сошлись на сумме 85 млн долларов США, показавшейся венгерскому общественному мнению чрезмерной; по донесениям советских дипломатов, и от венгерских рабочих можно было слышать: при всей необходимости нормализации отношений с Югославией, не слишком ли высока эта плата за нанесенные югославам в 1949 г. оскорбления. См. подробно: *Стыкалин А.С.* Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. С. 219–220.
- ⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 077. Оп. 37. Папка 187. Д. 7. Л. 42–44.
- ⁶ О политических методах Ракоши в контексте «дела Райка» и венгерско-югославских отношений см.: *Кимура К., Стыкалин А.С.* Венгерско-югославские отношения на рубеже 1940–1950-х гг.: от примирения недавних врагов к межгосударственному конфликту // *Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока, 1946–1953 гг. Очерки истории* / Отв. ред. А.С. Анিকেев. М.–СПб., 2017. С. 214–269.
- ⁷ См.: *Стыкалин А.С.* XX съезд КПСС и роспуск Коминформа // *Вопросы истории*. 2016. № 10. С. 3–19.
- ⁸ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // *Вопросы истории*. 1994. № 5. С. 77. Материалы июньских 1956 г. встреч лидеров двух стран опубликованы в: *Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Том первый*. 1946–1964. М., 2014.
- ⁹ Он это прямо признал 21 августа, сразу после отставки Ракоши, в беседе с венгерским посланником Ш. Куримским. См.: *Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы* / Редакторы-составители. Е.Д. Орехова, В.Т. Серета, А.С. Стыкалин. М., 1998. С. 229.
- ¹⁰ См. записку К.Е. Ворошилова в Президиум ЦК КПСС о беседе с М. Ракоши о состоянии венгерско-югославских отношений и сложности положения Ракоши в ВПТ: Там же. С. 97–99.
- ¹¹ Так, уже при утверждении документа на Президиуме ЦК было принято решение «сказать югославским товарищам, что мы не удовлетворены текстом декларации, но спорить не будем». См.: *Российский государственный архив новейшей истории* (далее — РГАНИ). Ф. 3. Оп. 12. Д. 35. Л. 2.
- ¹² *Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы*. С. 91.

- 13 См. телеграмму Андропова в МИД СССР от 9 июня о беседе с Гере: Там же. С. 137–142. Вопрос этот ставился перед советским послом далеко не впервые. Так, Э. Гере и А. Хегедюш в ходе июньских бесед с Андроповым отмечали, что оппозиционные элементы всё чаще выдвигают в качестве примера югославский опыт строительства социализма, противопоставляя его советскому пути. См.: Там же. С. 89–92, 118–124.
- 14 См.: Там же. С. 148–149.
- 15 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 82. Л. 21–33.
- 16 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 75. В одном из документов говорилось также о враждебных выпадах некоторых югославских дипломатов в адрес венгерского правительства: «имеющиеся факты свидетельствуют о том, что многие работники югославской миссии в Будапеште настроены резко антивенгерски, тем самым по существу не отражая в своей деятельности официальной линии своего правительства». Ответственность за трудности, возникающие в ходе нормализации, они всецело возлагают на венгерскую сторону, которая длительное время не решалась открыто признать допущенные ошибки. Кроме того, они, как отмечалось, по-прежнему часто критикуют венгерскую политику в отношении нацменьшинств и, в частности, недовольны положением в Венгрии югославян (Там же. Л. 77).
- 17 С конца июня, после дискуссии о печати в Кружке Петефи, особенно активизировались выступления югославской прессы в поддержку венгерской оппозиции, против мер по борьбе с ней. В ответ на соответствующие упреки со стороны МИД Венгрии югославские дипломаты замечали, что оценки, фигурирующие в этих статьях, выражают мнение отдельных журналистов и не более того // См. записку посольства СССР в Венгрии от 23 августа 1956 г. «О деятельности работников югославской миссии в Будапеште, мешающей нормализации венгеро-югославских отношений». (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 74–81). См. также телеграмму А.И. Микояна, посетившего в июле Будапешт и одобрившего смещение Ракоши, в ЦК КПСС в: Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы. С. 173–175. См. также запись беседы Андропова с Гере от 2 августа 1956 г.: Там же. С. 210–215.
- 18 См. подробнее: Венгерский кризис 1956 года и советско-югославские отношения второй половины 1950-х–начала 1960-х годов // *Стъкалин А.С. Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе*. М., 2016.
- 19 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 71–72.
- 20 Magyar Országos Levéltár (MOL). 276. F. 52/35.б.е.
- 21 Так, в записке посольства СССР от 23 августа отмечалось: «Есть основания полагать, что решения июльского пленума ЦК ВПТ приведут к значительному улучшению отношений между двумя странами» (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 68–69).
- 22 MOL. 276. F. 53/298.б.е.// уо. F. 98/140.б.е.
- 23 В качестве одного из жестов, направленных на снятие наслоений в отношениях с югославами, газета «Szabad Nép» («Свободный народ») еще 15 июля выступила со статьей, в которой довольно критически оценила политику ВПТ применительно к югославянскому меньшинству (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 74–81). См. также: A magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956: az állami- es pártkapcsolatok rendezése, az októberi fekelés, a Nagy Imre-csoport sorsa. Dokumentumok / Ed. J. Kiss, Z. Ripp, I. Vida. Bp., 1995. 110–113. о.
- 24 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 187. Д. 9. Л. 112–114.
- 25 Такое мнение сложилось и у советских дипломатов. См.: Там же. Оп. 38а. Папка 211. Л. 25.

- ²⁶ См. телеграмму Ю.В. Андропова в МИД СССР о беседе с Э. Гере о резком ухудшении общественно-политической обстановки в Венгрии в: Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы. С. 300–306.
- ²⁷ См.: *Гибянский Л.Я.* Венгерская революция 1956 г. и искушение «антисталинского сталинизма»: руководство Югославии между стремлениями к подрыву блокового гегемонизма Кремля и к сохранению коммунистического господства в Восточной Европе // Венгерский кризис 1956 года в контексте хрущевской оттепели, международных и межблоковых отношений / Отв. ред. А.С. Стыкалин. М.–Спб., 2018. С. 62–91.
- ²⁸ См.: *Стыкалин А.С.* «Дело Имре Надя» в контексте советско-югославских и венгерско-югославских отношений 1950-х годов // Славяне и Россия: Славяне и Россия в системе международных отношений / Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2017. С. 275–295.